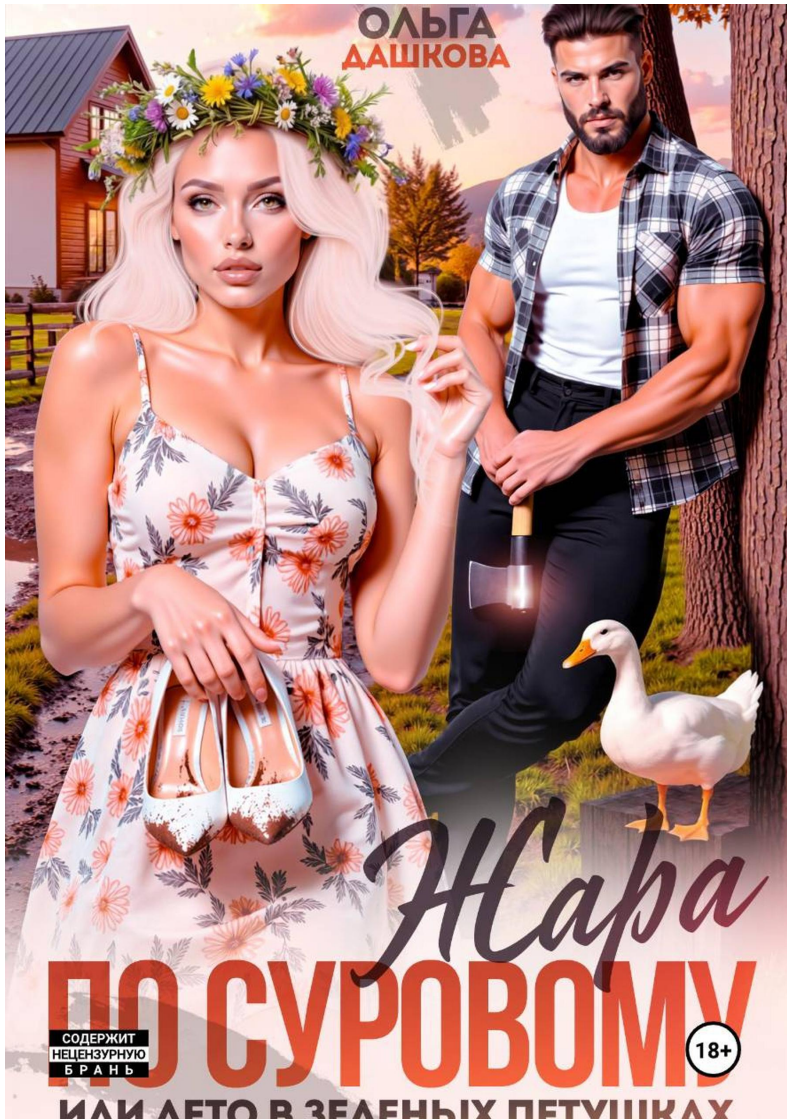

ОЛЬГА
ДАШКОВА

Жара

ПО СУРОВОМУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИЛИ ЛЕТО В ЗЕЛЕННЫХ ПЕТУШКАХ

Ольга Дашкова
**Жара по Суровому или
лето в Зеленых Петушках**
Серия «Сказки для взрослых», книга 10

*<https://litres.ru/73902399>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я только что осталась без мужчины и без карьерных перспектив.

И в качестве «бонуса» меня отправили на две недели в глухую деревню Зеленые Петушки делать контент для умирающего бренда.

А потом я встретила ЕГО!

Высокого, сурового и чертовски опасного мужчину со взглядом, от которого у меня мгновенно пересыхает во рту.

Он холоден, недоверчив и точно знает, чего хочет. Я, кстати тоже.

Между нами жара, искры и старые раны. Он не верит красивым женщинам, а я больше не верю обещаниям. Но когда он несет меня на руках через грязь, а я чувствую, как под его ладонями горит кожа, все правила начинают лететь к чертям.

В этой деревне слишком жарко. А Григорий Суровый слишком СУРОВ и ГОРЯЧ.

Две недели. Одна деревня. И одно лето, которое перевернет все.

Содержание

Глава 1 Виолетта	5
Глава 2 Григорий	13
Глава 3 Виолетта	19
Глава 4 Григорий	25
Глава 5 Виолетта	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Дашкова

Жара по Суровому или лето в Зеленых Петушках

Глава 1 Виолетта

Жара этим летом стояла невыносимая, словно кто-то нарочно включил духовку на максимум и забыл выключить.

Я вылезла из такси, которое довезло меня от ближайшей железнодорожной станции, и сразу почувствовала, как тонкий шелк сарафана прилип к спине. Каблуки Loub..., которые еще вчера выглядели идеально на московском асфальте, сейчас утонули в черной, жирной грязи.

Добро пожаловать в деревню, Виолетта. Две недели аутентичного контента, и ты тут точно сварись или сгинешь навсегда.

Таксист уже уехал, оставив меня посреди дороги, которая больше напоминала звериную тропу после дождя. Чемодан на колесиках жалобно заскрипел, когда я потащила его за собой. Солнце палило так, что даже воздух дрожал над крышами деревянных домов.

Я огляделась. Это были те самые «Зеленые Петушки». Деревня, где, по словам моего босса, «настоящая жизнь». Два

десяток домов, пруд, за которым виднелся лес, и огромный участок на краю, где стоял крепкий бревенчатый дом с широкой верандой, так мне объяснил таксист. Именно туда мне и надо было попасть.

«Поселишься у бабы Антонины Поликарповны Середкиной, – сказал босс. – У нее единственный нормальный Wi-Fi на всю деревню. И рядом живет местный... как его... Григорий. Он поможет с контентом. Фотки, видео, атмосфера. Ты же у нас креативный гений, Виола».

Гений. Ха.

Гений, которого после провала кампании для крупного клиента отправили в ссылку. Я твердо уверена, что это все-ленская несправедливость, но с боссом спорить бесполезно. Ну, подумаешь, вышло слишком откровенно для рекламы мангалов. Вообще не понимаю, чем им не угодил красивый накачанный мужчина с шампурами в руке? А слоган! Слоган был шикарен: «Только настоящий мужчина умеет насаживать и жарить!»

Но... Короче, долгая история. И вот я здесь. Тридцать лет, не замужем, в полушаге от увольнения, с чемоданом брендовых шмоток и заданием спасти локальный бренд «Эко-Петушки» от банкротства.

Господи! Эко-Петушки! Меня хватит удар.

Сделала шаг, каблук предательски ушел еще глубже в то, что называется дорогой. Сарафан задрался, открывая бедра, а я чуть не упала, схватившись за ближайший забор.

– Да твою же мать!

И в этот момент я его увидела.

ЕГО! Мужчину!

Он стоял у старой березы на краю участка. Высокий, очень высокий. Плечи такие широкие, что казались вырезанными из цельного дуба. На нем была расстегнутая клетчатая рубашка, из-под которой виднелась майка, обтягивающая рельефный торс. В одной руке он держал топор с блестящим лезвием. А другой небрежно опирался на ствол дерева, словно это была самая естественная поза в мире.

Идеальный типаж для рекламы топора, рубашки, ботинок, парфюма, бензопилы, навоза... да чего угодно!

Жара вдруг стала еще невыносимее. Я почувствовала, как пот стекает между грудей, а тонкая ткань сарафана предательски облепила тело, подчеркивая все, что обычно я прятала под пиджаками в офисе.

Мужчина повернул голову, темные глаза медленно, оценивающе скользнули по мне. Не нагло, но так, что у меня внутри все сжалось.

– Нужна помощь? – голос был низкий, чуть хриловатый, словно он только что колот дрова под этим солнцем и умирает от жажды.

Я попыталась выдернуть каблук из грязи. Не вышло.

– Если только вы волшебник, который может превратить грязь в асфальт, – ответила, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и даже немного дерзко.

Мужчина усмехнулся, уголки губ едва заметно дрогнули, но глаза остались серьезными. Воткнул одним легким взмахом топор в дерево и пошел ко мне. Каждый шаг был тяжелым и уверенным. Грязь под его ботинками даже не чавкала, а просто принимала его как своего.

Подошел вплотную, от него пахло деревом, потом и чем-то мужским, я невольно задержала дыхание.

– Вы та самая из Москвы?

Какая интересная формулировка: «та самая».

– Она самая, угадали. А вы... тот самый... Григорий?

– Суровый.

Однако. Суровый, как оригинально. А может, это кличка? Или он тут типа местного авторитета? Ха-ха, авторитет в Петушках.

Сдержала невольный смешок, а Суровый тем временем присел на корточки прямо передо мной. Я видела, как под рубашкой перекачиваются мышцы на спине. Его пальцы обхватили мою щиколотку так спокойно, без лишней нежности, но уверенно, что по коже пробежали мурашки.

– Держитесь за плечо.

Положила руку ему на плечо. Оно было горячее, твердое, под пальцами живая, напряженная плоть. Он резко, но аккуратно вытащил мою ногу из грязи. Туфля осталась в луже.

– О боже... – выдохнула.

Второй каблук он снял уже сам. Я стояла босиком в грязи, в своем дорогом сарафане, с колотящимся сердцем в груди,

а передо мной практически стоял на одном колене мужчина с обложки журнала.

Так, Вольская, спокойно, держи себя в руках!

Григорий выпрямился, держа в руках мои несчастные Loub... Они были покрыты толстым слоем черной жижи.

– Добро пожаловать в Петушки, – сказал серьезно, но в глазах мелькнуло что-то очень похожее на веселье. И в этот момент из-за его ноги вынырнула белая утка.

– Да, и я очень рада.

– Грязь после вчерашнего дождя, – констатировал он ровным тоном, будто объяснял факт погоды.

– Спасибо, капитан Очевидность, – фыркнула я. – Я Виолетта Вольская. Мне нужно к Антонине Поликарповне Середкиной. Отведете?

Он посмотрел на меня сверху вниз. На секунду мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то теплое, но оно тут же исчезло за стеной ледяного спокойствия.

– Отведу, – коротко ответил.

Не спрашивая разрешения, Григорий одной рукой подхватил мой тяжелый чемодан, а второй вдруг легко поднял меня саму и перекинул через свое плечо, уверенно обхватив бедра.

– Эй! – возмутилась я, инстинктивно вцепившись ему в плечи. – Вы что себе позволяете?!

– Грязь по колено. Хотите идти самостоятельно – пожалуйста. Но тогда туфли точно придется выбросить.

Голос был холодным, почти безразличным. Как будто он каждый день носит на руках городских девиц в сарафанах.

Вот наглец!

Первые несколько секунд я возмущенно ерзала у него на руках.

– Поставьте меня немедленно! Я сама могу идти!

– Можете. Но будете выглядеть еще смешнее, – спокойно парировал он, даже не сбавляя шага.

Я прикусила язык. Его рука уверенно держала меня и была твердой как камень. Я чувствовала, как напрягаются мышцы под рубашкой при каждом шаге.

Когда меня последний раз носил мужчина на руках? Разве что на выпускном в школе, когда я немного перебрала шампанского, и Ромка Савотин нес меня до дома. Так, спокойно, Виолетта. Не вздумай показать, что тебе это нравится. Он явно привык к тому, что красивые девушки вешаются ему на шею. Не будь одной из них.

Я перестала дергаться и постаралась принять максимально равнодушный вид.

– Вы всегда так... гостеприимны с приезжими? – спросила с легкой колкостью.

– Только с теми, кто приезжает на каблуках в июле, – ответил он сухо. – Обычно они быстро понимают, где оказались.

– Я быстро учусь.

– Посмотрим.

Остальной путь он проделал молча. Ни одной лишней

фразы. Только тяжелое ровное дыхание и стук его шагов. Я тоже молчала, хотя внутри все кипело. Его близость сводила с ума: жар кожи, запах, сила рук, которые несли меня так легко, будто я ничего не весила.

Наконец мы подошли к аккуратному дому с резными наличниками. На крыльце уже стояла пожилая женщина в цветастом халате. Увидев нас, она широко улыбнулась.

– Ох, Виолетточка! Молодец, что добралась! А я уж волновалась. Гришенька, спасибо, что встретил и принес. Ставь ее на крыльцо, милый.

Григорий молча поставил меня на деревянные доски крыльца. Его руки задержались на моей талии чуть дольше, чем нужно. Потом он отступил на шаг, снова становясь холодным и отстраненным.

– Если что понадобится – я рядом, – бросил он коротко и посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд был тяжелым, почти вызывающим.

– Спасибо... Суровый, – ответила с легкой усмешкой, специально выделив слово.

Он едва заметно прищурился.

– Григорий, – поправил холодно. – Для тебя – Григорий.

Развернулся и пошел обратно, я смотрела ему вслед, чувствуя, как сердце все еще колотится. Антонина Поликарповна хихикнула.

– Ну что, красавица, добро пожаловать в «Зеленые Петушки». Вижу, уже познакомилась с нашим Суровым.

Я только глубоко вздохнула.

*Да. Познакомилась. Чувствую, жара этим летом будет
Суровая!*

Глава 2 Григорий

Жара сегодня была особенной, такой тяжелой, густой, как патока. Я как раз закончил колоть дрова за сараем, когда услышал звук двигателя. Такси подкатило и остановилось на остановке у поворота, а из него вышла девушка.

Баба Тоня еще вчера вечером предупредила, мол, Гришенька, завтра приедет девочка из Москвы. Виолетта Вольская. Будет жить у меня две недели, кино снимать для наших «Эко-Петушков». Ты уж присмотри, помоги, чем сможешь. Красивая, говорят, столичная штучка.

Я тогда только хмыкнул. Красивые столичные штучки я уже видел. Одна такая когда-то обещала ждать из армии. Ждала. Ровно до того дня, как я вернулся. А потом вышла замуж за моего же бывшего сослуживца. С тех пор красивые женщины для меня как мираж в пустыне. Красиво, ярко, а подойдешь ближе, то одна горячая пыль и разбитые надежды.

И вот стоит она посреди дороги в своем тонком сарафане, который облепил тело так, что я невольно задержал дыхание. Длинные светлые волосы, ноги на каблуках по щиколотку в грязи. Чемодан. Грязь после вчерашнего дождя. И эти ноги... длинные, загорелые, идеальные.

Черт. Красивая. Слишком красивая.

Сердце стукнуло сильнее, чем нужно, сжал челюсти. *Не*

вздумай, Суровый. Это просто гормоны. Два года без нормальной женщины, вот и мерещится всякое.

Она дернула ногой, каблук застрял намертво. Выругалась так, что я едва не улыбнулся. Почти.

– Нужна помощь? – спросил, подходя, ровно, без лишних эмоций. Голос вышел сухим, как всегда.

Она подняла на меня глаза: голубые, яркие, с вызовом.

– Если только вы волшебник, который может превратить эту жижу в асфальт, – ответила дерзко, но я услышал в голосе легкую дрожь.

Хороший голос. Низкий, грудной. Такой, от которого по коже мурашки.

Я воткнул топор в дерево, подошел ближе, присел перед ней на корточки. От нее пахло чем-то дорогим, цветами, ванилью, ягодами. Я был близко, слишком близко.

– Вы та самая из Москвы?

– Она самая, угадали. А вы... тот самый... Григорий?

– Суровый.

Обхватил ладонью ее щиколотку, кожа была горячей, гладкой. Я почувствовал, как напряглись мышцы у нее на ноге.

Спокойно, Григорий. Это просто нога. Ты за свою жизнь сотни таких видел.

– Держитесь за плечо.

Резко, но аккуратно вытащил сначала одну туфлю, потом вторую. Она осталась босиком в грязи. Сарафан задрался вы-

ше, чем следовало. Я позволил себе одну секунду, всего одну, посмотреть на эти ноги. Длинные. Совершенные. Потом заставил себя поднять взгляд.

– О боже... – выдохнула она.

– Добро пожаловать в Петушки, – сказал серьезно. И в этот момент из-за моей ноги вынырнула белая утка.

– Да, и я очень рада.

– Грязь после вчерашнего дождя, – сказал спокойно, будто меня это совсем не волновало.

– Спасибо, капитан Очевидность.

Язвительная. Это хорошо. Злые женщины хотя бы не притворяются.

– Я Виолетта Вольская, – представилась. – Мне нужно к Антонине Поликарповне Середкиной. Отведете?

Выпрямился, посмотрел на нее сверху вниз. В сарафане, босиком она выглядела как видение. Как будто кто-то специально прислал ее сюда, чтобы проверить, насколько я еще могу держать себя в руках.

Мираж. Просто мираж. Через две недели она уедет обратно в свою Москву и забудет, как меня зовут.

– Отведу, – ответил коротко.

Не спрашивая разрешения, одной рукой подхватил ее тяжелый чемодан, а второй легко поднял ее саму и закинул на плечо.

– Эй! – возмутилась девушка, мгновенно вцепившись мне в шею. – Вы что себе позволяете?!

– Грязь по колено, – ответил я холодно. – Хотите идти самостоятельно, то пожалуйста. Туфли тогда точно можно выбрасывать.

Она ерзала у меня на плече первые несколько секунд, возмущенно дыша. *Не реагируй. Не реагируй, Суровый.*

Потом притихла, я почувствовал, как напряжение в ее теле постепенно спадает. Теперь она просто лежала у меня на плече, такая стройная, теплая, пахнущая городскими духами. Я шел молча. Каждый шаг отдавался в груди тяжелым стуком сердца.

Она красивая. Очень. Такие всегда знают свою цену. Улыбнутся, посмотрят вот так голубыми глазами, и ты уже готов поверить, что на этот раз все будет по-другому. А потом...

Воспоминание всплыло само. Аня. Два года я ждал, пока служил. Писал письма, звонил по возможности. А вернулся, она уже в свадебном платье с моим бывшим однополчанином. «Прости, Гриша. Ты слишком суровый. С тобой тяжело». С тех пор я решил: красивым женщинам веры нет. Никогда.

Мы дошли до дома бабы Тони. Она уже стояла на крыльце, улыбаясь во весь рот.

– Ох, Виолетточка! Молодец, что добралась! А я уж волновалась. Гришенька, спасибо, что встретил и принес. Ставь ее на крыльцо, милый.

Я аккуратно поставил Виолетту на деревянные доски. По-

том отступил на шаг, снова становясь холодным и отстраненным.

– Если что понадобится – я рядом, – бросил коротко и посмотрел ей прямо в глаза. Взгляд выдержал. Не улыбнулся.

– Спасибо... Суровый, – ответила она с легкой усмешкой, специально выделив слово.

Я прищурился.

– Григорий, – поправил холодно. – Для тебя – Григорий.

Развернулся и пошел обратно. Шаги были тяжелыми, размеренными. Я чувствовал ее горячий и заинтересованный взгляд на своей спине.

Не оборачивайся.

Но внутри все кипело.

Красивая. Черт возьми, какая красивая. И опасная. Такая точно не останется в Петушках. Через две недели соберет свои каблук и уедет. А я останусь здесь, как всегда. Один.

Дошел до своего участка, присел на крыльцо. Жара давила, рубашка прилипла к спине. Я провел ладонью по лицу, вытирая пот.

Баба Тоня сказала, что она на две недели приехала. Всего две недели. Главное – не дать себе поверить, что она другая. Все они одинаковые. Красивые. Коварные. И очень быстро исчезают.

Но перед глазами все еще стояло ее лицо: растрепанные светлые волосы, голубые глаза с вызовом, эти голые ноги в грязи и тонкий сарафан, который ничего не скрывал.

Я сжал кулаки. *Держи дистанцию, Суровый. Держи.*

Потому что, если я хоть на секунду позволю себе расслабиться, эта московская штучка разнесет мою спокойную жизнь в щепки. А я уже однажды позволил, больше не буду.

Никогда.

Встал, вернулся за топором, пошел в сарай. Работа всегда помогала. Дрова не предадут. Дерево не обманет. А женщина... женщина – это всегда риск.

Но где-то глубоко внутри, там, где я давно запретил себе чувствовать, уже тлела маленькая, опасная искра.

Глава 3 Виолетта

Раннее утро в Зеленых Петушках началось с настоящего террористического акта. Петухи орали так, будто их всех одновременно резали.

Громко, надсадно, с каким-то истеричным надрывом, словно каждый из них лично переживал конец света. Я резко открыла глаза и несколько секунд просто лежала, уставившись в потолок, пытаюсь понять, где я и почему меня решили казнить звуком на рассвете?

Ночь была невыносимой.

Жара не спадала даже после полуночи. Воздух в комнате стоял тяжелый, густой, пропитанный запахом старого дерева и свежескошенной травы. Окна я распахнула настежь, но это почти не помогло.

Комары устроили на мне настоящий фестиваль: пищали, кружили, кусали. В итоге я сдалась: сбросила с себя все, что могла, и осталась в одной тонкой майке и трусиках. Одеяло отправилось на пол еще в два часа ночи. Я лежала, раскинув руки, и думала только об одном: как, черт возьми, люди здесь живут постоянно?

Добро пожаловать в настоящую деревенскую жизнь, Виолетта. Здесь даже сон – это испытание на прочность.

Перевернулась на спину, закрыла глаза, но сон уже не шел. Вместо него в голову полезли воспоминания, которые я так

старательно гнала от себя последние месяцы.

Эдгар. Какого черта я вообще о нем вспомнила? Да, если вспоминаешь бывшего, то это точно не к добру.

Семь лет. Семь чертовых лет мы прожили вместе. Я думала, что это навсегда. Думала, что мы идем к одному и тому же: кольцо, свадьба, ребенок, общая ипотека, планы на будущее. Каждый Новый год он говорил одно и то же: «Вот в этом году точно, Виолочка. Потерпи еще чуть-чуть».

Я терпела, улыбалась, верила. А когда наконец решилась поставить вопрос ребром: или мы делаем следующий шаг, или расходимся, – он собрал вещи за один вечер. «Ты слишком требовательная, Виолетта. Я не готов к такому давлению».

Что, простите? Слишком требовательная?

И ушел.

Семь лет жизни, и в итоге я осталась с чемоданом воспоминаний и ощущением, что меня просто выкинули, как надоевшую игрушку. А это были лучшие годы моей такой короткой еще жизни.

Провела ладонью по лицу, прогоняя неприятный осадок от воспоминаний. Не время. Не здесь. Не сейчас.

В доме уже вкусно пахло свежими блинами. Желудок предательски заурчал, я встала, накинула на себя короткий шелковый халатик, который едва прикрывал бедра – да, мой стиль своеобразный и без стеснений, – и вышла на кухню.

– Доброе утро, солнышко мое! – радостно пропела баба

Тоня, стоя у плиты в цветастом платье. – Садись скорее, сейчас налью чаю с травками и медом.

– Доброе утро, Антонина Поликарповна, – улыбнулась, подавляя зевок. – Можно мне кофе? Очень крепкий. Я сама сделаю, не беспокойтесь. У вас есть?

Бабушка удивленно подняла брови, но кивнула и показала, где у нее стоит турка и банка с хорошим кофе. Я быстро сварила почти литровую кружку обжигающего, черного, ароматного напитка и, взяв ее обеими руками, вышла на крыльцо.

Утро было удивительно приятным, если не считать ночь. Еще не жарко, легкий прохладный ветерок ласково трогал кожу, роса блестела на траве. Деревня медленно просыпалась: где-то вдалеке мычали коровы, блеяли козы, тарахтел трактор. Все это звучало почти идиллически.

Почти. Если бы не эти чертовы петухи-убийцы.

Облокотилась на перила, сделала большой глоток кофе и закрыла глаза от удовольствия. Горячий, крепкий, с легкой горчинкой, именно то, что нужно, чтобы прийти в себя после такой ночи.

И в этот момент я почувствовала тяжелый и горячий, как мой кофе, взгляд. Медленно обернулась. На крыльце дома наискосок стоял Григорий Суровый.

Без рубашки.

Совсем!

Влажные темные волосы – явно после утренних процедур

– были зачесаны назад, по широкой груди и четко прорисованному прессу медленно стекали редкие прозрачные капельки воды, да, да, я их увидела. Спортивные штаны сидели очень низко на бедрах, открывая соблазнительную V-линию и рельефные косые мышцы живота.

Идеальный торс, мощные плечи, руки, на которых можно было качаться, как на турнике. Он выглядел так, будто только что сошел с Олимпа, и был опасно мужественный.

Ма-ма-да-ра-га-я!

А вот рядом с ним, не вписываясь в картину Олимпа, важно расхаживала белая утка. Она то и дело поднимала голову и смотрела в мою сторону так странно, будто оценивала – и явно находила массу недостатков. Мне даже показалось, что в ее черных глазках мелькнуло что-то похожее на ревность.

Ох-ре-неть!

Виолетта, возьми себя в руки. Немедленно. Полгода без мужчины – это еще не повод пялиться на первого попавшегося деревенского бога (пусть даже и так), как изголодавшаяся кошка на сметану.

Но черт возьми, он был хорош!

Серьезно, почему такой мужчина до сих пор в этой глуши? Он должен быть на обложках мужских журналов, в рекламе фитнес-приложений или, на худой конец, в календаре «Самые сексуальные мужчины России».

Почувствовала, как уши начинают предательски гореть. Короткий халатик вдруг показался мне слишком откровен-

ным. Я сделала вид, что мне абсолютно все равно, и подняла свою кружку в легком приветствии.

Григорий ответил тем же, медленно поднял свою кружку, не отводя от меня тяжелого взгляда. Ни улыбки. Ни единого слова. Просто этот пронзающий, оценивающий взгляд, от которого по коже побежали мурашки.

В этот момент за моей спиной появилась баба Тоня с тарелкой горячих блинов в руках.

– Ой, Гришенька уже на ногах! А я тебя блинчиками хочу угостить! – восторженно воскликнула она. – Виолетточка, ты только посмотри, какой у нас мужчина! Свеженький, как огурчик. И рукастый, и хозяйственный, и не пьет совсем. Золотой жених, а не мужик! Тебе бы такого, солнышко! Ты вчера говорила, что одинокая.

Я чуть не поперхнулась кофе. *Баба Тоня, вы серьезно? Прямо при нем и при мне?*

Григорий на своем крыльце едва заметно напрягся. Утка рядом с ним громко и возмущенно гоготнула, словно полностью поддерживала слова бабушки.

– Антонина Поликарповна, – быстро сказала я, чувствуя, как горят не только уши, но и щеки, – спасибо огромное за блины, но мне уже нужно работать. Контент сам себя не снимет.

Я практически сбежала обратно в дом, плотно закрыв за собой дверь в отведенной мне комнате. Прислонилась спиной к косяку и шумно выдохнула. Сердце колотилось как су-

масшедшее. Я сделала еще один большой глоток кофе, пытаясь успокоиться.

Виолетта, успокой своих глистов, тебе тридцать лет. Ты успешная (пусть и временно в опале) креативищица. Ты не должна краснеть, как школьница, только потому, что увидела мокрый торс деревенского мужика после бани.

Но этот торс... эти капли воды, медленно стекающие по рельефным мышцам... и эта утка, которая смотрела на меня так, будто я лично покушалась на ее личное пространство...

Подошла к окну и осторожно выглянула. Григорий все еще стоял на своем крыльце. Теперь он смотрел прямо в мое окно. Наши взгляды встретились даже через стекло. Он не отвел глаза первым. Я тоже.

Это будут очень, очень долгие две недели.

Глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

Работай, Виолетта. Тебе нужно работать. А не фантазировать, как выглядит Григорий Суровый без этих спортивных штанов.

Но где-то глубоко внутри уже тихо, но настойчиво тлела опасная, предательская мысль: *интересно, а в бане он парится один?*

Глава 4 Григорий

Раннее утро. Петухи еще только собирались с мыслями, а я уже истязал себя физкультурой.

Отжимался от земли так, будто она была виновата во всем. Сто отжиманий. Двести. Триста. Мышцы горели, пот заливал глаза, но я не останавливался. Нужно было выгнать из головы вчерашнюю столичную блондинку.

Не помогало.

Всю ночь я проворочался. Лежал, смотрел в потолок и снова и снова вспоминал, как нес ее на руках. Как она ерзала у меня на плече, как ее грудь прижималась ко мне, как ванилью и духами пахли ее волосы. Как ее длинные ноги болтались у меня перед глазами. Как она возмущалась, а потом внезапно затихла, будто сама почувствовала то же самое.

Черт, Суровый, ты серьезно? Тебе не шестнадцать лет и даже не двадцать! Ты взрослый мужик!

Всегда спокойно относился к красивым женщинам. Даже очень красивым. Мог посмотреть, оценить и пойти дальше. Иммунитет. Железобетонный. После Ани я выстроил вокруг себя стену высотой с Кремль.

А тут... одна московская штучка в коротком сарафане с длинными ногами – и стена дала трещину уже на второй минуте знакомства. Я перевернулся на спину и начал качать пресс. Жестко. До рези.

Вспомнил ее голубые глаза. Полные, чуть приоткрытые губы. Длинные ресницы. То, как сарафан облепил ее бедра, когда она застряла каблуками в грязи. И как она смотрела на меня, когда подошел к ней ближе: смесь возмущения и... интереса.

Интереса. Ага. Конечно. Через две недели она уедет, а ты будешь тут опять дрова колоть и вспоминать, как чуть не повелся.

Резко встал, подошел к старой бочке с дождевой водой и вылил на себя почти полведра ледяной воды. Холод обжег кожу, но даже он не смог полностью остудить то, что творилось ниже пояса.

Хорошо, что хоть курить бросил. А то уже пошел бы за сигаретами.

Мелькнула мысль сходить вечером к Веронике. У нас с ней уже года два «договоренность». Без обязательств. Иногда просто секс, когда совсем припрет. Она женщина простая, веселая, без лишних иллюзий. Но сегодня почему-то даже думать об этом не хотелось. Не та. Не то.

После активных физических упражнений сварил себе крепчайший кофе, натянул спортивные штаны и вышел на крыльцо.

Маргарита уже важно расхаживала по двору. Увидев меня, подошла, крякая что-то свое, утиное, будто докладывала о ночных происшествиях.

– Доброе утро, вредина, – пробормотал, присев на корточ-

ки и почесав ей шею. – Ты хоть спала нормально?

Утка крикнула, словно пожаловалась. Я выпрямился с кружкой в руке и облокотился на перила. Да, у всех собаки, а у меня утка. Год назад нашел ее с покалеченным крылом, вылечил, вот она и осталась, летать не может.

И вот тогда появилась она.

Виолетта.

Она стояла на крыльце дома бабы Тони растрепанная, без макияжа, в коротком шелковом халатике, который едва прикрывал верхнюю часть бедер. Светлые волосы разметались по плечам. Лицо сонное, губы припухшие. Под тонкой тканью явно ничего не было. Абсолютно. Вот зуб даю, что ничего не было.

Сердце пропустило удар. Потом еще один.

Мать твою... Суровый, ты рехнулся?

Девушка была красива до неприличия. Даже сейчас, растрепанная и сонная, она выглядела так, будто ее только что вытащили из чьей-то очень хорошей эротической фантазии.

Из моей фантазии!

Почувствовал, как в паху снова стало тесно, встал удобнее, чтобы не светить стояком на всю деревню. Пришлось сделать глоток кофе, чтобы хоть немного отвлечься, подумать о работе, о чем угодно, только не о ней. Но не получалось.

Виолетта обернулась и заметила меня. На секунду наши взгляды встретились. Она подняла кружку в знак привет-

ствия. Я ответил тем же. Молча. Потому что в этот момент я не доверял своему голосу.

А потом, как всегда, появилась баба Тоня.

– Ой, Гришенька уже на ногах! – радостно завопила она на всю деревню. – Виолетточка, ты только посмотри, какой у нас мужчина! Свеженький, как огурчик, после бани. И рукастый, и хозяйственный, и не пьет совсем. Золотой жених, а не мужик! Тебе бы такого, солнышко! Ты вчера говорила, что одинокая...

Я чуть не поперхнулся кофе.

Баба Тоня, вы меня когда-нибудь в могилу сведете.

Виолетта явно смутилась, щеки вспыхнули, она что-то быстро сказала бабушке и практически сбежала обратно в дом. Я остался стоять на крыльце.

Маргарита рядом громко и возмущенно прокричала, словно тоже была шокирована поведением бабы Тони и моей новой знакомой.

Я провел ладонью по мокрым волосам и тяжело выдохнул.

Что ты творишь со мной, московская?

В голове крутились картинки, которые я себе запрещал. Как я снимаю с нее этот короткий халатик. Как она смотрит на меня теми самыми голубыми глазами, только уже не с вызовом, а с желанием. Как ее губы приоткрываются, когда я...

Все. Хватит. Суровый! Возьми себя в руки!

Допил кофе одним глотком и поставил кружку на перила с такой силой, что она жалобно звякнула. Она здесь всего

первый день. А я уже не могу нормально думать. Это плохо. Очень плохо.

Я всегда гордился своим самообладанием. После Ани я дал себе слово: никаких красивых. Никаких городских. Никаких *«а вдруг на этот раз все будет по-другому»*. Потому что *«по-другому»* никогда не бывает. Они все приезжают, влюбляются в «деревенскую экзотику», а потом уезжают обратно в свои квартиры с теплым биде и доставкой пиццы в три часа ночи.

А я остаюсь. Как всегда. Я никуда не денусь! Это мой выбор, моя работа и мой бизнес. Посмотрел на окна дома бабы Тони.

Держи дистанцию, Суровый. Держи. Не будь тряпкой! Не будь одним из тех, кто падает к ногам таких красоток, а я уверен, у нее свой чемодан с разбитыми мужскими сердцами под кроватью или вообще парень есть, а то и бери выше – муж.

Но где-то глубоко внутри уже понимал, но боялся себе признаться, что эта блондинка в коротком халатике уже проломилла мою стену. И теперь вопрос только в том, сколько времени мне понадобится, чтобы снова ее заделать?

Глава 5 Виолетта

Стояла перед старым зеркалом в комнате у бабы Тони и пыталась убедить себя, что выгляжу профессионально.

Короткие джинсовые шорты, белый кроп-топ, волосы собраны в высокий небрежный пучок, солнцезащитные очки в стиле «я важная блогерша», белые брендовые кеды.

На плече дорогой фотоаппарат, в руке штатив, в другой телефон. Полный комплект городской креативщицы, готовой покорять деревенский контент.

Браво, Виолетта, ты выглядишь как туристка, которая заблудилась по дороге на Мальдивы.

– Да, за местную я, конечно, не сойду, но что есть, то есть.

Я глубоко вздохнула и вышла на улицу, полная решимости покорить этот мир и Зеленые Петушки, дай бог им процветания и хороших удоев.

Жара уже в девять утра стояла такая, будто солнце решило лично меня наказать. Воздух дрожал, земля высохла и потрескалась. Вчерашней грязи как не бывало, теперь под ногами была твердая, раскаленная корка.

– Сегодня я буду снимать атмосферу, – громко сказала сама себе, шагая по тропинке. – Натуральность. Эко-вайб. Люди должны захотеть купить наш мёд, даже если у них сахарный диабет, а также наш чай к мёду и уехать жить в Петушки навсегда, ибо они жить больше не могут без этого чая и мёда.

Через двадцать минут я уже жалела обо всем.

Сначала меня атаковали пчелы.

Я мирно снимала улы на пасеке, когда целая эскадрилья пчел решила, что моя голова это новый цветок. Я начала махать руками, как ветряная мельница, одновременно пытаюсь удержать штатив и не выронить камеру.

– Я не цветок! Я человек! Человек! – шипела, пятась назад.

Пчелы были неумолимы.

А потом появился **бычок**. Небольшой такой, рыжий, наглый. Он вышел из-за сарая, увидел меня и, видимо, решил, что я его личный враг. Он опустил голову и пошел в атаку.

– Эй! Эй, стоп! Алло, животное! Мы так не договаривались! – закричала я, бросаясь в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.